

Юрий КУЗИН*г. Санкт-Петербург*

— Пианино! — восторженно произнесла Женька. А потом бросила трубку.

Пианино было куплено ей. Впрок куплено. Чтобы завидовали. Тут же начались смотрины, экскурсии, в которых «чёртов ящик» был гвоздём программы.

Насупив брови, Женька тыкала меня в грудь пальцем, да с такой яростью, что было понятно: шутить она не намерена. А потом буркнула:

— Чур, не лапать...

Я и не «лапал». Хотя, признаюсь, меня так и подмывало подбежать к этому «гробу-бику на колёсиках» и наподдать ему ногой.

Женька хмурилась. Казалось, она слышит шорох моих мыслей, видит всю эту возню в моих мозгах и только делает вид, что не замечает.

Точно птица с длинным, как клюв дятла, пальцем, кончик которого венчал загнутый крючком коготок, она выцарапала крамолу из моей головы, как личинку из-под коры дуба. А потом сказала, точно отрезала:

— Моё!

Запрет касался и книг, которые я мог порвать, и пластинок, которые непременно разбились бы — стоило мне взять их в руки.

Вконец одичав, я слонялся по бескрайним джунглям тётушкиной квартиры, боясь угодить в капкан или стать жертвой отравленной стрелы.

Мать коробили все эти табу.

— Жадная, как её мать, — сказала она о племяннице, когда, поужинав тётушкиными пельменями и проведя битый час в сестринской ванне, я плёлся домой.

Тут же в голове матери созрел план, как

утереть нос старшей сестре, а заодно и племяннице.

Вендетту следовало начать немедленно и непременно с приобретения скрипки, на которой я буду блистать, как Паганини, раз сестра не желает, чтобы я стал Рихтером.

В скрипке были свои резоны. Во-первых, она меньше и легко уместится в нашей узкой, как пенал, комнатке — без воды, душа и с удобствами в коридоре; а во-вторых — она дешевле, ведь для бедняков, считавших копейку, это что-то да значит.

Быстро был найден учитель по классу скрипки, бравший по два рубля за урок, итого — 16 за месяц.

Скрепя сердце мать наскребла нужную сумму, надеясь, что ждать, когда мой слух прорежется, долго не придётся.

Музыкальный класс, в котором я учился, был в двух шагах от школы. По сути, это была раздевалка, примыкавшая к спортзалу, с единственным зарешёченным оконцем.

После продлёнки, два раза в неделю, я спускался в этот «круг ада», где меня поджаривали на сковородке, поливая маслом до хрустящей корочки. Казнь была поручена бесу с длинным птичьим носом и родинкой на правой щеке.

Сказать, что я был туп, значит, ничего не сказать. Я был непроходимо туп, что позволяло тирану прохаживаться смычком по моим ладоням, а ещё называть «ёлопом», что на львовском диалекте означало «болван».

Скрипичный концерт Ридинга был моей плахой. Раз за разом, приходя на экзекуцию, я лишался какой-нибудь части собственного «я», как приговорённый к четвертованию — руки или ноги.

Чего я только ни делал, чтобы не выглядеть идиотом: часами простаивал у пюпитра, пел ноты, как пономарь, и даже скособочился (левое плечо — выше, правое — ниже), но всё напрасно: Ридинг переворачивался в гробу, мать посыпала голову пеплом, а бес подливал масла в огонь, как искусный повар, знающий толк в готовке.

Кругленькая, как головка сыра, мать таяла

на глазах. При взгляде на меня сердце её обливалось кровью, а разум призывал к мести, в которой мне была уготована роль «карающей длани». Чтобы потешить своё самолюбие, мать даже выцганила меня у «носатого», чтобы привести к виртуозу, который уж «точно знал, как развить слух».

«Новый» был высоким, русским, с длинными, как у Паганини, пальцами. Был любезен, ходил циркульным шагом и поминутно заглядывал мне в глаза, точно пытаюсь разглядеть в них искру божью.

Правда, сделать это было не просто. Узкие, как у мурзы, щёлки мои покрывала поволока, сотканная из горя. Скрипку я ненавидел люто. И даже подумывал объявить об этом. А ещё я верил, что Бог, которого нет и которого выдумали, наверняка протянет мне руку — стоит попросить.

Случай представился. Предстоял концерт. В программе был всё тот же Ридинг, но с партией фортепиано в качестве аккомпанемента. Начал я с того, что не вступил, когда сыграв увертюру, пианист с копной седых, как у Листа, волос тупо уставился на меня. Он повторил «зачин», кивая мне каждые четыре такта, словно вкладывая костыли в мои слабеющие руки. На этот раз я вступил, но пока добирался до середины пьесы, раз пять сфальшивил, взяв на полтона ниже там, где следовало взять выше. Казалось, я должен был сгореть от стыда, но не тут-то было. С каким-то дьявольским удовольствием я провёл целым смычком там, где требовалась половина, сыграл вместо восьмушек шестнадцатые, бемолям предпочёл дизезы, и вообще — всячески вредил мелодии, превращая изящный её рисунок в безумную чехарду. Я был в ударе. Ноты срывались с моего смычка, как перезрелые, забродившие сливы. Срывались и хлопались о паркет, что вызвало ропот в публике. Это обстоятельство, однако, ещё больше раззадорило меня. Я почувствовал себя матадором с мулетой в руке. Я вонзал шпагу в сердце Ридинга, не оставляя его концерту ни единого шанса. Я ликовал. И было отчего: наконец-то я взмылил лошадку по имени Мечь, то пуская её галопом, то рысью, то иноходью.

«Новый» сидел, закрыв лицо длинными, как у Паганини, пальцами, и тихо плакал.

Ну, вот и финал. Вскочив, учитель быстро отвел мать в сторону и, сложив молитвенно ладони, потребовал «перестать мучить музыку». «Да и ребёнка, — добавил он, заикаясь, — тоже не мешало бы пожалеть».

На другой день, всплакнув, мать забрала документы. Началась новая, бесшабашная жизнь, о которой я и мечтать не мог. О, что это было за счастливое время! Я не должен был больше зубрить урок, разбираться в легато и стаккато, взгромоздившись на табурет, пиликать на радость тётушкам, получая горсть мелочи в награду. А ещё я перестал изнывать от боли в пальцах, изрезанных струнами. И никто, включая и «Виртуоза», не мог заставить меня канифолить смычок или срезать с него конский волос. Но главное, я был избавлен от муштры. Навсегда. Навеки.

Но чувство свободы имело и обратную сторону. И вскоре я стал тосковать по своим обидчикам. Да, представьте себе, я узнал, что такое фантомные боли, когда лишился «ноги» — так я называл скрипку. Но с ней было покончено. Я вытравил её из памяти. Я запретил себе брать скрипку в руки — никог-

да и ни при каких обстоятельствах. И сегодня я верен этому табу.

Правда, спустя годы вспоминая о своих злоключениях, я всё меньше склонен себя жалеть. Я не был талантлив, чего греха таить. А ещё я не любил музыку. Не любил и не знал. Не знал, что за любовь, которую к ней питаешь, музыка не сулит ни наград, ни воздаяния, ни мзды. Ничего, кроме разве что крошек, которые гений забыл смахнуть со стола. Такая вот скромная плата. Но я не дожил даже такой малостью. И крохи, забытые кем-то на столе, я всегда собирал в кулачок, чтобы сунуть в рот.

□

Юрий Владимирович КУЗИН —

режиссёр-постановщик, сценарист,

продюсер, преподаватель.

Родился в 1962 году во Львове.

Учился во ВГИКе (мастерская В. Хотиненко).

Пишет малую и крупную прозу,

публицистику, сценарии.

Член Союза кинематографистов России.

Живет в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

